М. Горбатовъ.

I.

Что дѣлать?

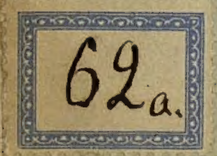
II.

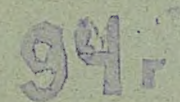
Подъ впечатлѣніемъ текущихъ военныхъ событій.

ЦѢНА 30 КОП.

Изданіе Редакціи журнала „Море и Его Жизнь"
Спб. 4 лин. д. 17.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Экономическая типо-литографія, Вас. Остр., 14 л., д. 5.
1905.

М. Горбатовъ.

I.

Что дѣлать?

II.

Подъ впечатлѣніемъ текущихъ военныхъ событій.

Изданіе Редакціи журнала „Море и Его Жизнь“.
Спб. 4 лин. д. 17.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Экономическая типо-литографія, Вас. Остр., 14 л., д. 5.
1905.

Дозв. ценз. Спб., 28 Іюля 1905 г.

Что дѣлать?

Уничтоженіе эскадръ Рожественскаго поставило передъ русскимъ правительствомъ и передъ русскимъ народомъ вопросъ величайшей важности: продолжать ли войну съ Японіей, не обращая вниманія ни на какія жертвы, или заключить миръ, какъ можно скорѣе и на какихъ бы то ни было условіяхъ?

При рѣшеніи этого вопроса, конечно, должны быть выслушаны все возможныя мнѣнія, такъ какъ это необходимо для всесторонняго освѣщенія дѣла. Одно изъ такихъ мнѣній и я постараюсь дать въ послѣдующемъ изложеніи.

Само собой разумѣется, что всѣ частные вопросы, касающіеся Дальняго Востока, должны рѣшаться съ точки зрѣнія той конечной цѣли, къ которой мы должны и можемъ стремиться въ политикѣ по отношенію къ монгольскому вопросу вообще. Эта цѣль, конечно, не должна превышать нашихъ силъ и нашихъ интересовъ на Востокѣ, причемъ въ разсчеты наши должны входить наростающіе интересы и силы Китая и Японіи.

Между тѣмъ, до сихъ поръ, наши политики, и не хотѣли, и не могли заглянуть въ будущее дальше завтрашняго дня и влекли Россію на Востокѣ къ какой-то неясной цѣли, не ограничивъ точно предѣловъ, дальше которыхъ мы не должны идти, чтобы не истощать силъ своего народа въ безплодной борьбѣ изъ за невозможнаго на Востокѣ съ явнымъ ущербомъ въ нашей политикѣ на Западѣ.

Вѣдь всѣмъ міромъ овладѣть, конечно, нельзя, и потому какъ бы то ни былъ силенъ народъ, онъ все-таки долженъ благоразумно ограничить свои претензіи на господство извѣстнымъ кругомъ, который онъ будетъ въ состояніи отстоять.

Гдѣ же мы должны остановиться въ своихъ стремленіяхъ на Дальнемъ Востокѣ, имѣя передъ собою Китай и Японію?

Рискнемъ высказать по этому величайшему для Россіи и для всего славянства вопросу свое мнѣніе, хотя бы для того, чтобы подать поводъ спеціалистамъ-историкамъ и политико-экономамъ сказать свое компетентное слово, безъ котораго ни русское общество, ни наши правящія сферы не въ состояніи самостоятельно оріентироваться въ этомъ уроганѣ современныхъ событій на Дальнемъ Востокѣ и установить болѣе или менѣе опредѣленный взглядъ, какъ по отношенію къ желтой опасности вообще, такъ и въ частно-

сти по животрепещущему вопросу о войнѣ или мирѣ съ Японіей.

Принимая во вниманіе наростающіе интересы и силы Китая и Японіи, можно, вообще говоря, предположить, что намъ придется на Дальнемъ Востокѣ подѣлиться господствомъ съ Китаемъ и Японіей. Повидимому, въ концѣ концовъ, дѣло устроится такъ, что преобладаніе на морѣ останется за Японіей, а господство на материкѣ будетъ подѣлено между Россіей и Китаемъ, пропорціонально ихъ наличнымъ силамъ и культурности.

Съ этой точки зрѣнія успѣхъ Японіи на материкѣ въ борьбѣ съ Китаемъ и Россіей можно считать временнымъ успѣхомъ, который обусловливается неподготовленностью Россіи и некультурностью Китая. Конечно, эти обстоятельства, благопріятныя для Японіи, рано или поздно, въ силу естественнаго хода прогресса, будутъ устранены, и Японія снова будетъ оттѣснена на острова, если не Россіей, то во всякомъ случаѣ Китаемъ, который на разстояніи своей исторіи уже изгонялъ Японію изъ Кореи.

Итакъ, мы можемъ безспорно разсчитывать только на обладаніе частью береговъ Великаго океана совмѣстно съ Китаемъ; вырвать же у Японіи преобладаніе на океанѣ— безъ союзовъ мы не можемъ и потому приходится отказаться отъ этой мысли.

Японія представляетъ островное государ-

ство съ населеніемъ до 50 милліоновъ, морскіе интересы и силы Японіи всегда будутъ больше морскихъ силъ и интересовъ Россіи на Дальнемъ Востокѣ, въ которомъ сосредоточена только часть нашихъ интересовъ и силъ вообще. Дѣйствовать же противъ Японіи нашими будущими Балтійскимъ и Черноморскимъ флотами, какъ показалъ опытъ, весьма трудно. Держать на Востокѣ особую Тихо-океанскую эскадру въ такомъ составѣ благодаря которому она могла бы превосходить флотъ Японіи, будетъ непосильно для страны. Вѣдь развитіе военнаго флота, чтобы не быть опаснымъ бременемъ для бюджета, должно быть результатомъ развитія промышленности страны *). Въ этомъ случаѣ первенство на Дальнемъ Востокѣ, какъ теперь, такъ и въ будущемъ, скорѣе можно предположить на сторонѣ Японіи, а не Россіи; безспорно, число коммерческихъ судовъ Японіи, какъ теперь, такъ и въ будущемъ, будетъ больше, чѣмъ число судовъ русскихъ на Дальнемъ Востокѣ. Поэтому, чтобы не тратить силъ и денегъ на защиту не существенныхъ интересовъ, мы можемъ не имѣть

*) Съ этой точки зрѣнія рѣшеніе вопроса о созданіи новаго военнаго флота нужно поставить въ связь съ заботами о развитіи нашего коммерческаго флота, который можетъ дать, на случай морской войны, достаточное количество настоящихъ моряковъ — матросовъ и механиковъ.

на Востокѣ такой военный флотъ, который бы превышалъ численностью военный флотъ Японіи. Однимъ словомъ, намъ нѣтъ ни выгоды, ни возможности теперь вырвать изъ рукъ Японіи морское преобладаніе на Востокѣ. Борьбу за это преобладаніе намъ нужно мудро уступить другимъ морскимъ государствамъ. Поэтому то и въ настоящую войну мы можемъ помириться съ положеніемъ вещей, съ преобладаніемъ Японіи на морѣ, ограничивъ сферу своего господства только берегами материка. Тогда наше положеніе на Японскомъ морѣ, въ сущности, будетъ ни чѣмъ не хуже того, какое мы занимаемъ на Балтійскомъ морѣ, гдѣ отсутствіе господства нашего военнаго флота не мѣшаетъ совершаться нашимъ главнымъ культурнымъ и торговымъ сношеніямъ.

Если даже допустить, что нашъ будущій военный флотъ будетъ созданъ на новыхъ основаніяхъ, болѣе совершенныхъ, чѣмъ теперь, то нѣтъ основаній не предполагать того же самого и относительно флота нашего противника на Дальнемъ Востокѣ. Даже можно скорѣе склониться къ той мысли, что это совершенствованіе флота и его ростъ естественнѣе для Японіи, какъ государства чисто морского.

Наконецъ, нужно принять во вниманіе еще и то обстоятельство, что если Японія никогда не будетъ имѣть природныхъ кавалеристовъ, вродѣ нашихъ казаковъ, то мы также не

можемъ имѣть столько природныхъ моряковъ, какъ Японія.

Поэтому то Россія, какъ государство главнымъ образомъ материковое, конечно, должна въ развитіи своихъ военныхъ морскихъ силъ вообще, и въ частности на Дальнемъ Востокѣ, соблюсти извѣстную мѣру въ соотвѣтствіи съ дѣйствительными своими интересами на морѣ, не забывая того, что все-таки главные наши интересы на сушѣ, и пока не на Востокѣ, а на Западѣ.

Итакъ, признавъ возможнымъ отказаться отъ мысли господствовать на Японскомъ морѣ безъ союзниковъ, мы извлечемъ двѣ выгоды.

Во-первыхъ, мы сократимъ свои расходы, избавившись отъ необходимости строить и содержать большія эскадры для Тихаго океана.

Во-вторыхъ, если мы открыто откажемся отъ мысли добиваться преобладанія надъ Японіей на морѣ, то это обстоятельство выгоднымъ образомъ отзовется на нашихъ политическихъ отношеніяхъ къ Америкѣ и ко многимъ европейскимъ государствамъ. Морское господство Японіи сейчасъ же станетъ поперекъ горла тѣхъ государствъ, которыя имѣютъ на Дальнемъ Востокѣ колоніи. Эти государства должны будутъ теперь, въ особенности въ томъ случаѣ, если мы оставимъ мысль о созданіи новой Тихо-океанской эскадры для реванша, подумать о средствахъ и о союзникахъ въ возможной борьбѣ и въ неизбѣж-

ной конкуренціи съ Японіей. Только при господствѣ Японіи на Великомъ океанѣ, т. е. при наличности опасности съ ея стороны по отношенію къ колоніальнымъ интересамъ, намъ можно разсчитывать на друзей и союзы въ исторической борьбѣ съ монголами вообще. Теперь на Дальнемъ Востокѣ и создалось именно такое положеніе вещей, при которомъ у насъ и у многихъ государствъ получилась общая опасность, существующая или грозящая, что является достаточной и необходимой почвой для возможности искреннихъ и крѣпкихъ союзовъ. Отсюда можно сдѣлать такой выводъ: что мы потеряли матеріально въ Портъ-Артурѣ и у Цусимы, то мы выиграли въ возможности союзовъ съ государствами, заинтересованными на Дальнемъ Востокѣ. Вѣдь если бы мы уничтожили японскій флотъ, а не они нашъ, то въ сущности, главнымъ образомъ, это было бы выгодно въ будущемъ для государствъ, имѣющихъ на Востокѣ колоніи, напримѣръ, для Франціи, Голландіи, Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, Германіи и даже Англіи, а не для насъ, такъ какъ мы, имѣя Сибирскій путь, не можемъ быть отрѣзаны отъ нашего Дальняго Востока, а количество нашихъ коммерческихъ пароходовъ дальняго плаванія—незначительно. На это обстоятельство нужно обратить вниманіе. Если бы мы уничтожили японскій флотъ, то названныя выше государства могли бы спокойно спать подъ защитой русскихъ броненосцевъ и могли

бы безъ всякаго риска сократить расходы по защитѣ своихъ колоній. Теперь же картина получилась совершенно иная; теперь названныя государства должны будутъ увеличить свои эскадры въ Тихомъ океанѣ. Среди этихъ то государствъ и нужно поискать союзниковъ и это нужно попытаться сдѣлать даже теперь, до окончанія войны, которую нужно закончить по возможности только тогда, когда Японія будетъ такъ или иначе вытѣснена съ материка. Этого намъ нужно добиться во что бы то ни стало, и тогда Японія должна будетъ обратить свои взоры и свою наростающую силу на острова Великаго океана и на Австралію, которые для нея, какъ для морской державы, болѣе доступны, и которые по дальности разстоянія трудно будетъ защищать заинтересованнымъ государствамъ своими флотами, какъ это было трудно и намъ.

Итакъ, скрѣпя сердце, мы можемъ сказать, что нѣтъ худа безъ добра. Уничтоженіе флота Тихо-океанскаго, по нашему мнѣнію, помимо нашей воли суживаетъ нашу политику на Дальнемъ Востокѣ и направляетъ ее и наши военныя дѣйствія именно къ той цѣли, къ которой мы должны стремиться, имѣя въ виду не интересы дня, а интересы и политическія отношенія на Дальнемъ Востокѣ въ будущемъ. А мы должны стремиться къ тому, чтобы укрѣпиться на материкѣ и только на берегахъ Великаго океана,—это будетъ стоить

и дешевле, и менѣе рискованно, чѣмъ строить для Тихаго океана и содержать флотъ, превосходящій по силѣ японскій; считаться съ послѣднимъ мы должны предоставить другимъ, чисто морскимъ государствамъ, имѣющимъ колоніи въ сферѣ вліянія Японіи. Мы же, съ своей стороны, должны неуклонно стремиться къ разъ намѣченной цѣли, т. е. къ вытѣсненію Японіи съ материка на океанъ, чтобы тѣмъ самымъ увеличить для колоній бѣлыхъ опасность, которая создалась для заинтересованныхъ государствъ, въ особенности теперь, вслѣдствіе пораженія нашего флота. Уже теперь мы можемъ констатировать, что эти заинтересованныя государства почуяли грозящую имъ опасность... И, что бы ни говорили о недостаткахъ нашего погибшаго флота, многіе недалеки отъ той мысли, что такая же катастрофа при тѣхъ же условіяхъ могла постигнуть флотъ любой цивилизованной страны. Это то настроеніе и нужно намъ эксплоатировать какъ въ общей нашей политикѣ, такъ въ частности и въ веденіи настоящей войны. Теперь ясно для всѣхъ, что если Россіи или Китаю удастся вытѣснить Японію съ материка, то она обратитъ свою наростающую энергію на захватъ острововъ или такихъ береговъ Азіи, которые составляютъ колоніи и по защитѣ находятся въ положеніи острововъ. Вѣдь Японія можетъ расти или въ сторону материка или въ сторону острововъ Великаго океана по направленію къ Австра-

ліи и Индіи. Это стихійное движеніе Японіи уже сказалось въ войнѣ Японіи съ Китаемъ, въ союзѣ Японіи съ Англіей, въ настоящей войнѣ Японіи съ Россіей и, наконецъ, въ заботахъ Америки о примиреніи воюющихъ сторонъ. Съ этимъ то стихійнымъ движеніемъ Японіи, рано или поздно, все-таки придется считаться европейскимъ и американскимъ колоніямъ, такъ какъ успѣхъ Японіи на материкѣ временный. Удержаться Японіи на материкѣ навсегда будетъ такъ же невозможно, какъ было бы невозможно Россіи или Китаю, даже въ далекомъ будущемъ, подчинить навсегда Японію. Исторія показала многими примѣрами, что борьба между островными и материковыми государствами всегда кончается тѣмъ, что враги оказываются неуязвимыми другъ для друга. Для иллюстраціи высказанной мысли напомнимъ, напримѣръ, исторію войнъ между Франціей и Англіей. Съ этой точки зрѣнія японская попытка утвердиться на материкѣ все-таки представляетъ авантюру, которая для Японіи будетъ стоить въ будущемъ очень дорого и, въ концѣ концовъ, должна окончиться неудачей. Она должна будетъ уступить мѣсто или Россіи, или Китаю, между которыми, въ виду общаго врага, можетъ даже состояться союзъ съ этой цѣлью. Успѣхъ Японіи въ послѣднее время, какъ уже разъ было замѣчено, объясняется, конечно, только тѣмъ обстоятельствомъ, что Россія оказалась неподготовленной вести при

одноколейной желѣзной дорогѣ войну за 10,000 верстъ, а Китай только что началъ воспринимать европейскіе способы веденія войны. На послѣднее обстоятельство нужно обратить вниманіе и, имѣя въ виду не событія сегодняшняго дня, а историческую перспективу событій на Дальнемъ Востокѣ, нужно также помнить, что Китай въ будущемъ для насъ нужнѣе и опаснѣе, чѣмъ Японія. При этомъ нужно замѣтить, что если Японія окажется обладательницей Портъ-Артура и Кореи, то она должна будетъ взять на себя въ будущемъ борьбу съ Китаемъ, который все-таки, въ концѣ концовъ, будетъ главной силой на Дальнемъ Востокѣ. Эту борьбу съ Китаемъ изъ за Артура и Кореи—это дорого стоющее наслѣдство, не только можно, но даже должно предоставить Японіи и, если возможно, совмѣстно съ Китаемъ постараться поскорѣе толкнуть Японію съ ея авантюрами съ материка на океанъ. При этомъ необходимо очень осторожное отношеніе къ Китаю, съ которымъ у насъ на Востокѣ будутъ главные историческіе счеты. Если мы не сумѣемъ жить мирно съ Китаемъ, то зловѣщее будущее можетъ намъ принести такія войны, передъ которыми поблѣднѣютъ ужасы настоящей японской войны... Китай къ чему-то готовится... Caveant consules!.. Тысячи молодыхъ китайцевъ поступили въ Японіи въ офицерскія школы... Это зловѣще!.. На это нужно обратить вниманіе, а также, взвѣсивъ свои историческія силы и задачи,

создать опредѣленный планъ дѣйствій по отношенію къ Китаю, и устроить это такъ, чтобы господство и силы Россіи на Востокѣ находились въ соотвѣтствіи съ силами и интересами Китая, чтобы не было такихъ условій, при которыхъ Китаю нужно было бы самому начинать борьбу съ ближайшими представителями бѣлыхъ дьяволовъ, т. е. съ русскими.

Вотъ каковы, по нашему мнѣнію, историческая обстановка и перспектива будущности нашего вопроса Дальняго Востока, и съ этими то общими обстановкою и перспективой и нужно согласовать наше отношеніе къ текущей войнѣ съ Японіей, какъ къ частному случаю монгольскаго вопроса вообще; съ этихъ то общихъ точекъ зрѣнія на настоящее и будущее Дальняго Востока и нужно рѣшать вопросъ о необходимости продолженія войны или заключенія мира съ Японіей.

Въ виду всего вышеизложеннаго, пишущему эти строки кажется, что Россія, даже послѣ пораженія Рожественскаго, послѣ окончательнаго и безповоротнаго проигрыша морской кампаніи, и даже въ случаѣ новыхъ неудачъ на сушѣ арміи Линевича, ни подъ какимъ видомъ не должна заключать миръ съ Японіей безъ разбора и на какихъ угодно условіяхъ: для Россіи въ особенности будетъ невыгодно, позорно и безсмысленно заключить миръ съ уплатою денежной контрибуціи.

Этотъ поспѣшный миръ, если онъ будетъ заключенъ съ уплатою контрибуціи, только увеличитъ позоръ Россіи, подорветъ ея престижъ въ глазахъ всего свѣта и вольетъ масла въ огонь нашей народной нищеты и смуты. Подобный миръ, какъ бы и кѣмъ бы онъ ни былъ гарантированъ, ни въ коемъ случаѣ не предотвратитъ возможности новой войны черезъ нѣсколько лѣтъ, и не только не разрѣшитъ, но наоборотъ осложнитъ въ будущемъ рѣшеніе зловѣщаго для насъ монгольскаго вопроса.

При настоящихъ условіяхъ внутри государства и при перспективѣ неминуемыхъ столкновеній и осложненій въ будущемъ, мы можемъ и должны, даже въ случаѣ пораженія Линевича, избрать средній путь между миромъ во что бы то ни стало и между большой наступательной войной, т. е. мы должны, прекративъ поневолѣ морскую кампанію, ограничиться на Востокѣ, такъ сказать, хронической, долгой, только сухопутной и только оборонительной войной, подобной тѣмъ долгимъ войнамъ, которыя мы когда то вели со шведами при Петрѣ I или на Кавказѣ съ горцами.

Не обременяя существенно нашего двухмилліарднаго бюджета, мы можемъ оставить на Востокѣ тысячъ 300 солдатъ на военномъ положеніи, какъ было сказано, не для наступательной, а, главнымъ образомъ, для оборонительной войны. Эти 300 тысячъ

сообразно съ обстоятельствами могутъ наступать или отступать и такимъ образомъ поддерживать войну 5—10 лѣтъ до окончательной побѣды или до тѣхъ поръ, пока сама Японія, конечно съ меньшими требованіями, постарается прекратить войну, которую при предлагаемыхъ условіяхъ для нея можно сдѣлать тяжелѣе и разорительнѣе, чѣмъ для насъ, особенно имѣя въ виду возможность частнаго воздѣйствія на морскія сношенія.

Могутъ при этомъ возразить, что вести только оборонительную, сухопутную войну мы не можемъ съ разсчетомъ на скорый успѣхъ, что эта война можетъ истощить наши финансы и что оттяжка во времени только увеличитъ траты на военные расходы съ одной стороны и требованія японцевъ при будущемъ заключеніи мира съ другой.

Попытаемся опровергнуть эти опасенія и доказать, что если мы будемъ только защищаться, то мы не обременимъ своего бюджета и избавимся отъ необходимости заключить вынужденный невыгодный и позорный миръ съ уплатой контрибуціи и, самое важное, съ потерей престижа въ глазахъ нашихъ сосѣдей, что можетъ быть въ высшей степени чревато событіями и осложненіями не только на азіатскихъ, но и на европейскихъ границахъ: въ самомъ дѣлѣ, прежній сѣверный колоссъ—Россія, смирившаяся предъ молодой Японіей, покажется теперь не грозной силой, а только пугаломъ, бояться ко-

тораго нѣтъ основанія,—и тогда послѣ мира съ Японіей мы сейчасъ же можемъ получить какую либо новую войну въ другомъ мѣстѣ.

1. Въ случаѣ новаго пораженія и отступленія арміи Линевича, станетъ окончательно ясно, что мы не въ состояніи вести наступательную войну противъ Японіи, конечно, не столько въ силу нашей слабости, сколько въ силу дальности разстоянія. Вотъ тогда то и нужно намъ окончательно перейти къ оборонительной войнѣ, къ которой прибѣгали въ крайнемъ случаѣ не разъ и русскіе на разстояніи своей исторіи и тѣ, которые жили раньше насъ въ нашей странѣ. Характеръ нашей обширной территоріи именно таковъ, что мы можемъ затянуть войну на сколько угодно времени; никакой врагъ, никакая армія не могутъ захватить всю нашу землю, кромѣ ея окраинъ. Въ крайнемъ случаѣ, мы всегда можемъ отступать передъ сильнѣйшимъ врагомъ и затягивать его вглубь страны, не давая большихъ сраженій, избѣгая большихъ потерь и истощая врага. Такъ поступали скиѳы въ борьбѣ съ полчищами Дарія, такъ наши предки боролись съ Карломъ XII и съ Наполеономъ.

2. Если этотъ такъ называемый скиѳскій способъ веденія войны указанъ намъ самой природой нашей страны вообще, то на Востокѣ онъ для насъ еще болѣе выгоденъ, еще болѣе возможенъ. Отступая передъ японцами, мы можемъ отдать имъ, конечно

только на время, сколько угодно нашей, мало населенной пока, территорiи на Востокѣ, можемъ затянуть ихъ вглубь страны, гдѣ ихъ ожидаетъ общая участь всѣхъ тѣхъ, кто рисковалъ углубляться въ наши лѣса и степи. Для такой войны достаточно будетъ, какъ было уже сказано, держать только — 300 тысячъ войска, содержанiе которыхъ будетъ недорого стоить. Мы имѣемъ въ мирное время до миллiона войска и, конечно, прибавить къ нимъ еще 200—300 тысячъ будетъ для насъ нетрудно—тѣмъ болѣе, что все равно, даже по заключенiи мира, намъ придется оставить на Востокѣ и содержать армiю такой же численности, если не больше.

3. Затянуть войну намъ возможно еще и потому, что эта война, сколько бы она времени не продолжалась, не можетъ, даже при самыхъ поразительныхъ успѣхахъ и побѣдахъ Японiи, нарушить мирной жизни Европейской Россiи. Вѣдь японцы, въ сущности, могутъ разбить наше войско за 10.000 верстъ отъ центра Россiи. Правда, мы потеряли флотъ, наша сухопутная армiя терпѣла до сихъ поръ неудачи; однако эти успѣхи японцевъ не отрѣзали насъ отъ остального мiра. Наши правительственные, культурные, экономическiе центры навсегда останутся неуязвимыми для японцевъ. Вѣдь мы не можемъ попасть въ положенiе Францiи во время Франко-Прусской кампанiи или въ положенiе буровъ во время послѣдней трансваальской войны, когда

почти вся территорія побѣжденныхъ была захвачена непріятелемъ и, такъ сказать парализована войной. Какъ далеки мы отъ возможности попасть въ такое положеніе, такъ мы должны быть далеки отъ мысли о неизбѣжности и необходимости для насъ мира съ Японіей на невыгодныхъ условіяхъ.

4. Если мы будемъ, во что бы то ни стало добиваться мира, то естественно мы должны будемъ заплатить контрибуцію, какую захотятъ японцы... Но легко подписать условія контрибуціи, а расплачиваться, конечно, будетъ народъ, какъ почти единственная производительная сила нашей страны, въ теченіе многихъ лѣтъ. Путемъ разныхъ налоговъ деньги будутъ собираться съ нашего и безъ того нищаго крестьянства и черезъ государственное казначейство милліарды контрибуціи будутъ уходить къ нашимъ кредиторамъ за границу. Къ этому, конечно, еще прибавятся многіе милліоны на неизбѣжные военные расходы по усовершенствованію арміи и по устройству новаго флота. Такимъ образомъ, народъ будетъ представлять корову, которую усиленно доятъ, но не кормятъ... Между тѣмъ, оборонительная война, только сухопутная, дастъ возможность дѣлать закупки на содержаніе арміи внутри страны, и эти деньги будутъ расплываться въ населеніи, оживлять торговые обороты и отчасти обратно возвращаться въ казначейство государства. Такимъ образомъ, въ общей экономіи націо-

нальныхъ силъ несчастіе нѣкоторыхъ участниковъ въ войнѣ покроется благосостояніемъ извѣстныхъ родовъ промышленности, въ особенности въ Сибири, что важно въ связи съ нашимъ переселенческимъ вопросомъ.

5. Экономически такая оборонительная война возможна еще и потому, что мы, потерявъ Портъ-Артуръ, потерявъ флотъ, сразу освобождаемся отъ громадныхъ расходовъ, которые входили въ ежегодный расчетъ нашего бюджета. Если собрать тѣ суммы, которыя мы тратили на Тихо-океанскую эскадру, на Портъ-Артуръ, на охрану манчжурской дороги и на Владивостокъ, который мы также можемъ потерять, то, быть можетъ, получится вполнѣ достаточно средствъ для того, чтобы содержать 300 тысячъ пѣхоты, которая представляетъ самый дешевый родъ оружія *).

6. Даже заключивъ миръ и уплативъ контрибуцію, мы все-таки не будемъ гарантированы, что этотъ миръ будетъ продолжителенъ. Упоенная побѣдой и разбогатѣвшая Японія, быть можетъ, не безъ основанія начнетъ страдать маніей величія, и нѣтъ основанія думать, что ея вожделѣнія въ послѣд-

*) Кромѣ того, въ виду отдаленности Европейской Россіи и продолжительности войны, эти 300 тысячъ войска можно содержать особымъ экономическимъ способомъ, дѣлая казенные посѣвы хлѣба и овощей особыми нестроевыми командами и готовя амуницію выписанными артелями кустарей—гдѣ либо недалеко отъ театра военныхъ дѣйствій, напримѣръ у Байкала.

ствіи не пойдутъ далѣе того, что она получитъ по условіямъ мира. Навѣрняка черезъ 5—10 лѣтъ намъ придется столкнуться съ новыми претензіями Японіи, которую мы сами вооружимъ на свои же деньги. Вообще, нужно помнить, что война между Россіей и Японіей есть только начало войнъ европейцевъ и монголовъ, и одной русско-японской войной, конечно, нельзя разрѣшить великаго вопроса о желтой опасности. Какой же смыслъ намъ заключать перемиріе только для того, чтобы дать деньги врагу для его усиленія; между тѣмъ, эти деньги можно потратить на свои нужды, на созданіе флота, на оборудованіе Сибири для военныхъ цѣлей и для переселенческаго движенія и т. д., уменьшивъ расходы на продолженіе оборонительной войны до минимума. Конечно, при этомъ нужно примириться съ потерей на время, можетъ быть продолжительное, нѣкоторыхъ пунктовъ на Тихомъ Океанѣ. Конечно, японцы пойдутъ на западъ, преслѣдуя насъ, но слишкомъ далеко они все-таки пойти не могутъ; удаляясь все дальше и дальше отъ Японіи, они, естественно, будутъ ослабѣвать, а насъ встрѣчать болѣе сильными, и такимъ образомъ естественно установится та граница, которую мы можемъ удержать и которую японцы не могутъ взять. Могутъ возразить, что японцы, дойдя до извѣстнаго пункта остановятся въ своемъ преслѣдованіи нашего отступающаго войска. Но имѣя передъ собою нашу армію

въ 200—300 тысячъ, они все-таки принуждены будутъ содержать постоянно гораздо болѣе 200—300 тысячъ, что для насъ легко, а для нихъ равносильно большой войнѣ. Преслѣдуя нашу армію, японцы, конечно, займутъ Манчжурію на все время долгой войны, что едва ли понравится Китаю, который, въ концѣ концовъ, при ловкости нашей дипломатіи въ соблюденіи китайскихъ интересовъ, можетъ оказаться на нашей сторонѣ въ борьбѣ съ Японіей.

7. Нѣкоторые могутъ думать, что продолжительная война оторветъ надолго много рабочихъ рукъ отъ мирнаго труда. Но, во-первыхъ, какъ было уже сказано, на оборонительную войну понадобится войска всего 200 — 300 тысячъ; во-вторыхъ, можно солдатъ возвращать обратно въ европейскую Россію по истеченіи извѣстнаго установленнаго срока службы, какъ въ мирное время, напримѣръ, черезъ три - четыре года, причемъ отбывшіе свой срокъ службы, конечно, должны быть замѣнены новыми солдатами. Такой же порядокъ и такой же срокъ можно установить и для офицеровъ. Такимъ образомъ, служба на Востокѣ не будетъ задерживать ни солдатъ, ни офицеровъ слишкомъ долго, если бы даже война очень затянулась. Такой порядокъ, во-первыхъ, не былъ бы особенно въ тягость отдѣльнымъ личностямъ, и, во-вторыхъ, изъ такого порядка можно было бы извлечь ту пользу, что наша армія

(нижніе чины, а главное — офицеры) имѣла бы превосходную боевую практику, въ которой она могла бы многому научиться и оказаться не мнимой величиной, а дѣйствительной силой, способной защищать интересы того народа, на счетъ котораго она живетъ. Вѣдь объ улучшеніи нашихъ арміи и флота нужно подумать. Вѣдь теперь всѣмъ и каждому ясно, что плохо подготовленныя армія и флотъ могутъ подвергнуть націю величайшему позору и разоренію. Могутъ сказать, что совершенствованіе арміи возможно и въ мирное время; но практика всегда выше теоріи, которая только и возможна въ мирное время; да кромѣ того для русскаго человѣка, къ сожалѣнію, быть можетъ, всегда нужна или дубинка Петра I-го, или громъ небесный, чтобы можно было быть увѣреннымъ, что онъ не уснетъ, какъ только пройдетъ опасность.

8. Многіе думаютъ, что намъ нуженъ миръ какъ можно скорѣе, чтобы заняться переустройствомъ государственнаго порядка, т. е. реформами, уже намѣченными въ послѣднихъ манифестахъ. Но почему мы, подобно Петру Великому, вновь не можемъ заняться этими реформами? Какъ можетъ война за 10,000 верстъ помѣшать созвать земскій соборъ и этому собору вести свое дѣло? Военное время, можетъ быть, даже благопріятнѣе для дѣла, въ виду той серьезности настроенія, которую внушаетъ военное время вообще. Война можетъ умѣрять страсти тѣхъ партій, которыя

образуются въ будущемъ земскомъ соборѣ съ одной стороны, а съ другой это же настроеніе, созданное войной, также умиротворяющимъ образомъ подѣйствуетъ на народъ, въ которомъ есть много горючаго матеріала для всякихъ смутъ. Какъ знать? Позорный миръ, да еще съ контрибуціей, можетъ быть той искрой, которая подожжетъ этотъ горючій матеріалъ въ народѣ, обостритъ отношенія партій будущаго земскаго собора и — самое главное — подорветъ довѣріе народа вообще къ той власти, при которой эта война началась и такъ печально закончилась... Можетъ подняться вопросъ объ отысканіи истинныхъ виновниковъ національной катастрофы, объ измѣнѣ и т. п. Все это, конечно, дѣла не исправитъ, мира не перерѣшитъ, а внесетъ только въ великое дѣло созданія народнаго представительства вредную борьбу страстей. Между тѣмъ, продолжительная война все-таки оставляетъ конечный успѣхъ подъ сомнѣніемъ и естественно будетъ заставлять партіи не раздувать домашнихъ распрей, въ виду внѣшней общей опасности.

9. Наконецъ, вотъ еще мотивъ противъ заключенія мира на какихъ бы то ни было условіяхъ, т. е. съ уплатой контрибуціи. Подобный миръ не только подорветъ нашъ престижъ въ глазахъ всѣхъ нашихъ сосѣдей — нашихъ друзей и враговъ, не только можетъ отозваться осложненіями на любой изъ нашихъ границъ, но также можетъ повліять и

на настроеніе тѣхъ національностей, которыя входятъ въ составъ нашего государства: поднимутъ голову всѣ, такъ сказать, центробѣжныя силы государства, а силы центростремительныя будутъ парализованы и впадутъ въ уныніе подъ бременемъ позора или налоговъ, вызванныхъ уплатой контрибуціи.

Итакъ, вотъ что нужно намъ дѣлать въ настоящую минуту.

1. Прежде всего нужно установить какую-нибудь опредѣленную цѣль политики на Востокѣ—не въ интересахъ дня, а въ интересахъ нашей исторіи—напримѣръ, стремиться только къ совмѣстному съ Китаемъ господству на побережьи Тихаго океана, оставивъ господство на морѣ за Японіей.

2. Господства на материкѣ, въ случаѣ пораженія арміи Линевича, нужно будетъ добиваться путемъ долгой, только оборонительной, сухопутной войны, строго и осторожно соблюдая интересы Китая, миръ съ которымъ мы должны цѣнить гораздо выше, чѣмъ миръ съ Японіей.

3. Кромѣ простой силы для успѣха въ борьбѣ нужно научиться пускать въ ходъ еще такъ называемое искусство дипломатіи, какъ это умѣютъ дѣлать англичане, и такимъ путемъ пользоваться дружбою или союзами съ тѣми заинтересованными государствами, для колоній которыхъ создалась опасность со

стороны Японіи послѣ пораженія русскаго флота у Цусимы.

4. Внутри государства нужно, подобно Петру I, заняться улучшеніемъ нашихъ порядковъ, также необходимыхъ для конечнаго успѣха въ войнѣ; нужно заняться созданіемъ контроля народа, а также переустройствомъ всѣхъ нашихъ бюрократическихъ вѣдомствъ; вѣдь въ основѣ всѣхъ этихъ вѣдомствъ лежитъ величайшее зло нашей русской жизни — особаго рода второе мѣстничество — протекція, сословность, выслуга лѣтъ и т. п., т. е. тѣ самыя условія, которыя совершенно устранили изъ практики свободную конкуренцію талантовъ, и поставили подобно мѣстничеству XVI и XVII вв. во главѣ національныхъ предпріятій и вообще на отвѣтственныхъ мѣстахъ не людей труда, таланта и личной энергіи, а людей протекціи, происхожденія или выслуги лѣтъ *). Наряду

*) Вотъ какъ примѣрно можно устранить это зло. Во флотѣ и арміи командиры отдѣльныхъ частей или судовъ должны назначаться высшимъ начальствомъ, по избранію офицерами данной части или судна; а кандидаты въ командующіе флотомъ или арміей, въ свою очередь, должны избираться командирами отдѣльныхъ частей или судовъ. Конечно, при этомъ порядкѣ спеціалисты ввѣрятъ свою жизнь въ бою только достойному. Такой порядокъ, замѣняющій теперешнее назначеніе на должность, можно провести по всѣмъ вѣдомствамъ (это избраніе себѣ начальника будетъ напоми-

съ этими соотвѣтственными реформами государственнаго строя и бюрократіи, необходимо обратить особенное вниманіе на отношеніе между помѣщиками и крестьянами, т. е. на нашъ аграрный вопросъ, который при осложненіяхъ можетъ болѣе всякой войны подорвать наши финансы и уничтожить всѣ наши начинанія. По нашему мнѣнію, единственнымъ средствомъ, могущимъ предотвратить общіе аграрные безпорядки, можетъ быть только окончательное уничтоженіе общиннаго крестьянскаго землевладѣнія. Тогда, наряду съ дворянами помѣщиками, появится многочисленный классъ крестьянъ - помѣщиковъ такъ какъ многіе изъ крестьянъ болѣе зажиточныхъ сейчасъ же скупятъ надѣлы у крестьянъ-бѣдняковъ. Отсюда получится неизбѣжная солидарность и общность интересовъ помѣщиковъ-дворянъ и помѣщиковъ-крестьянъ. Что же касается крестьянскаго земельнаго пролетаріата, который при этомъ долженъ образоваться, то его нужно будетъ, не щадя казенныхъ субсидій, усиленно переселять въ Сибирь и на Кавказъ, отдавая переселенцамъ въ вѣчное владѣніе самыя лучшія мѣста, хотя бы эти мѣста уже были захвачены тѣми или другими вѣдомствами. Вѣдь должны же мы, наконецъ, понять, что въ Сибири и на

нать избраніе атамановъ въ казацкихъ общинахъ и, слѣдовательно, будетъ имѣть нѣкоторое отношеніе къ нашей исторіи).

Кавказѣ только мѣстности, населенныя русскимъ народомъ, будутъ намъ приносить пользу и не будутъ впослѣдствіи отобраны у насъ монголами *).

Преслѣдуя тѣ или другія опредѣленныя цѣли, мы должны проявить мужество и энергію, безъ которыхъ, конечно, ничего не можетъ выйти. Намъ нужно вспомнить тяжелыя эпохи нашей исторіи и вспомнить тѣхъ великихъ подвижниковъ, которыя своимъ патріотизмомъ и своими трудами спасали Россію въ трудныя минуты. Лучшимъ примѣромъ въ этомъ случаѣ, конечно, можетъ быть для насъ Петръ Великій, при которомъ Россія находилась въ подобномъ, но болѣе тяжеломъ положеніи, чѣмъ теперь. Борьба съ Софіей, отношеніе къ Царевичу Алексѣю, стрѣлецкіе бунты, старообрядческое движеніе, противодѣйствіе многочисленной партіи, враждебной реформамъ, война съ грозной для всей Европы Швеціей, уничтоженіе войска подъ Нарвой, отсутствіе школъ, офицеровъ, флота, наконецъ бунтъ Булавина на Дону и возстаніе Мазепы—все это такія условія, которыя даютъ

*) Для привлеченія земельнаго пролетаріата въ Сибирь можно установить льготы и привилегіи для переселенцевъ. Еще было бы лучше развить въ широкихъ размѣрахъ казачество въ Сибири въ противовѣсъ хунхузамъ.

болѣе печальную картину, чѣмъ картина современной исторической обстановки Россіи.

Что же сдѣлалъ Петръ Великій при смутахъ внутри государства, пока большихъ, чѣмъ наши, и при войнѣ съ врагомъ, для него болѣе грознымъ, чѣмъ для насъ Японія?

Конечно, по совѣту сторонниковъ мира съ Японіей, онъ долженъ былъ бы просить мира у Карла XII, уступить ему берега Балтійскаго моря и уплатить контрибуцію. Но Петръ поступилъ иначе; онъ началъ рубить окно въ Европу, перенесъ столицу на Неву, провелъ каналы, что для того времени было гораздо труднѣе, чѣмъ, положимъ, проведеніе Сибирскаго пути въ наше время; онъ перелилъ колокола въ пушки и боролся 20 лѣтъ съ внѣшнимъ врагомъ, совершая въ это же время реформы, безкорыстно работая не ради своихъ интересовъ, а ради „славы и благоденствія Россіи“... „Помните, что вы сражаетесь не за Петра, а за спасеніе отечества“, говорилъ въ своемъ приказѣ передъ полтавской битвой Петръ, этотъ Великій Монархъ-гражданинъ.

Такъ дѣйствовалъ Петръ, и заслужилъ въ исторіи названіе Великаго и благодарность потомства. Такъ дѣйствовать должны и мы, если не хотимъ заслужить въ глазахъ исторіи и потомства названія и чувствъ противоположныхъ. Мы должны вести, хотя бы десятки лѣтъ,

борьбу за берега Тихаго океана *), а внутри государства совершать либеральныя реформы въ духѣ времени, начиная съ земскаго собора. Подражая Петру, мы при этомъ должны помнить, что онъ въ дѣлѣ реформъ въ сущности былъ сторонникомъ крайней либеральной партіи своего времени.

Итакъ, упорная война и исходящія отъ будущаго земскаго собора реформы, о характерѣ которыхъ можно уже судить по рѣчамъ земскихъ людей передъ Государемъ Императоромъ — вотъ какова должна быть наша программа дѣйствій, если мы желаемъ выйти изъ затруднительнаго положенія.

Будетъ гораздо хуже для всѣхъ нашихъ политическихъ партій и для всего народа, если будетъ заключенъ миръ съ уплатой контрибуціи. Наши консерваторы и наши либералы должны помнить, что изнемогая подъ бременемъ налоговъ на контрибуцію и на военные расходы, которыя потребуются и послѣ мира, народъ не станетъ слушать и понимать ни консерваторовъ, ни либераловъ, и устроитъ такіе аграрные безпорядки, передъ которыми поблѣднѣетъ пугачевщина съ ея ужасами.

Пишущему эти строки вообще кажется

---

*) О значеніи войны съ Японіей на Дальнемъ Востокѣ см. ниже статью „Подъ впечатлѣніемъ текущихъ военныхъ событій". (Журналъ „Море и его жизнь" № 8, 1905 г.).

сомнительной заслуга тѣхъ органовъ печати, которые ратуютъ за миръ, хотя бы съ уплатой контрибуціи, и въ своихъ цѣляхъ преувеличиваютъ безвыходность положенія Россіи. Вѣдь, чѣмъ болѣе японцы будутъ убѣждены въ томъ, что намъ миръ необходимъ, тѣмъ больше они отъ насъ будутъ требовать при заключеніи мира. Нѣтъ, нужно, чтобы японцы знали, что мы можемъ вести хотя бы оборонительную войну, сколько угодно времени, и тогда они будутъ болѣе умѣренны въ своихъ условіяхъ, что можетъ повліять существеннымъ образомъ на окончаніе войны, такъ какъ въ этомъ случаѣ ихъ требованія будутъ для насъ болѣе пріемлемы.

Если бы даже намъ миръ былъ дѣйствительно необходимъ до крайности, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ, то и тогда истинные друзья народа, на счетъ котораго они сами живутъ и которому они совѣтуютъ даже заплатить контрибуцію, должны были бы, если не скрывать, то по крайней мѣрѣ не преувеличивать безвыходности нашего положенія, щадя средства нашего и безъ того бѣднаго народа.

Вотъ послѣднее слово относительно мира или войны: для насъ, для русскаго народа, выгоднѣе въ крайнемъ случаѣ отдать хотя бы въ долгое пользованіе берега или часть береговъ Тихаго океана Японіи, чѣмъ платить контрибуцію; для насъ выгоднѣе въ край-

немъ случаѣ отдать на время часть территоріи на Дальнемъ Востокѣ, который пока требовалъ только однихъ расходовъ, чѣмъ платить наличныя деньги, которыя нужно намъ истратить на созданіе новаго флота, на устройство арміи, на организацію переселенческаго движенія въ Сибирь и на народныя нужды вообще.

Авторъ вышеприведенной статьи, говоря о временной уступкѣ территоріи, безъ сомнѣнія подразумѣваетъ лишь временное отступленіе при оборонѣ, а не договорную уступку части владѣній.

Почитаемъ съ своей стороны долгомъ привести здѣсь слова, которыя Государь Императоръ изволилъ начертать на всеподданѣйшей телеграммѣ 15 іюля изъ Дѣдова отъ духовенства округа Оренбургскаго уѣзда.

„Русскіе люди могутъ положиться на Меня—Я никогда не заключу позорнаго или недостойнаго великой Россіи мира“.

Ред.

II.

Подъ впечатлѣніемъ текущихъ военныхъ событій.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, мнѣ пришлось встрѣчать новый годъ въ одномъ богатомъ домѣ провинціальнаго уѣзднаго городка. Налицо присутствовала почти вся мѣстная аристократія; царила почти деревенская простота, и было произнесено, конечно послѣ шампанскаго, много тостовъ за присутствующихъ, за отсутствующихъ, за дамъ и т. п. Это былъ первый новый годъ послѣ созыва Гаагской конференціи, о которой тогда такъ много говорили и отъ которой тогда такъ много ожидали;—и вотъ, когда, повидимому, истощились болѣе обыкновенныя темы для словъ и тостовъ, поднялся одинъ изъ гостей, преподаватель гимназіи, и сказалъ слѣдующее, насколько мнѣ не измѣняетъ память; привожу его рѣчь дословно:

— „Господа, мы сейчасъ слышали много всякихъ пожеланій, касающихся нашего личнаго благополучія или благополучія нашихъ близкихъ. Теперь я предлагаю выпить за благополучіе всего человѣчества, за миръ всего міра; я предлагаю выпить за то, чтобы поскорѣе прекратились войны между государствами, какъ прекратились частныя войны, практиковавшіяся въ средніе вѣка; я предлагаю выпить за то, чтобы поскорѣе создалось такое положеніе, при которомъ возможно было бы разрѣшать всѣ международныя распри путемъ судебнаго разбирательства въ какомъ-нибудь трибуналѣ, подобномъ Гаагской конференціи... Итакъ, да здравствуютъ миръ и право, и да погибнетъ милитаризмъ, создавшій огромныя арміи, которыя, какъ родное дѣтище этого милитаризма, представляютъ зло, представляютъ собою остатки варварства въ жизни культурныхъ народовъ! Арміи существуютъ для войны; а война, какъ убійство, противорѣчитъ и духу христіанства, т. е. Божескому закону и закону человѣческому, т. е. тѣмъ правовымъ нормамъ, которыя дѣйствуютъ въ современныхъ государствахъ; противорѣчитъ она также и личной, и общественной пользѣ уже по одному тому, что какъ побѣдитель, такъ и побѣжденный дичаютъ въ кровавой борьбѣ, пробуждая въ себѣ дикіе варварскіе инстинкты. Теперь, когда царитъ вооруженный миръ, т. е. милитаризмъ, арміи, всегда готовыя къ

бою, создаютъ постоянное военное положеніе, которое и отвлекаетъ почти половину всѣхъ средствъ и силъ народовъ отъ культурной работы къ подготовкѣ убивать себѣ подобныхъ. Чтобы убѣдиться нагляднымъ образомъ въ справедливости сказаннаго, достаточно сопоставить количество денегъ, которое, напримѣръ, наше государство тратитъ на армію съ флотомъ и на народное образованіе... Что если бы къ нѣсколькимъ десяткамъ милліоновъ, которые идутъ на образованіе, прибавить нѣсколько сотъ милліоновъ, которые тратятся на армію и флотъ! Вѣдь тогда Россію черезъ какой-нибудь десятокъ лѣтъ узнать нельзя было бы... Вѣдь можно было бы сразу улучшить народное хозяйство до небывалой степени и однимъ почеркомъ пера осуществить завѣтную мечту всякаго образованнаго человѣка Руси—мечту о всеобщей, обязательной грамотности по крайней мѣрѣ... Благодѣтельныя послѣдствія всего этого были бы неисчислимы... Впрочемъ, распространяться въ доказательствахъ вреда милитаризма и пользы просвѣщенія въ наше время нѣтъ необходимости и я, какъ педагогъ, какъ представитель просвѣщенія, какъ сторонникъ прогресса, который можетъ идти быстрыми шагами только въ мирѣ, въ заключеніе скажу еще разъ: да погибнетъ милитаризмъ, а съ нимъ и арміи, которыя отрываютъ столько рабочихъ рукъ отъ мирнаго труда!“

Педагогъ кончилъ свое слово и, повидимому, всѣ сочувственно отнеслись къ его мыслямъ. Эти мысли соотвѣтствовали настроенію не только маленькаго сравнительно кружка присутствовавшихъ, но и настроенію общественнаго мнѣнія вообще, правительства и печати. Своего рода злобой дня тогда была Гаагская конференція, и мечты „о мирѣ всего міра“ владѣли умами и сердцами всей Европы и даже всего міра, вызвавъ, напримѣръ, у насъ небывалое сочувствіе между обществомъ, Правительствомъ и печатью. Сказать что-нибудь мало-мальски убѣдительное противъ было, повидимому, очень трудно и даже рискованно. Возраженій, правда, даже никто и не ждалъ, однако всѣ ощущали нѣкоторую неловкость по отношенію къ нѣсколькимъ пѣхотнымъ офицерамъ, которые присутствовали среди гостей и которымъ теперь приходилось фигурировать въ качествѣ тормазовъ прогресса.

Я думалъ, что пѣхотные офицеры, съ виду очень смирные и простоватые, отдѣлаются молчаніемъ, что они и дѣлали до сихъ поръ, такъ какъ никто изъ нихъ не рискнулъ блеснуть краснорѣчіемъ. Однако, я жестоко ошибся. Одинъ изъ тормазовъ прогресса всталъ и сказалъ въ отвѣтъ педагогу въ защиту арміи и милитаризма вообще то, что въ значительной степени измѣнило мой взглядъ на значеніе офицеровъ въ частности и арміи вообще.

„Сейчасъ я слышалъ, — такъ приблизительно говорилъ офицеръ,—что школы противопоставили арміи; я слышалъ, какъ доказывали, что школы и арміи—двѣ совершенно различныя вещи; а я говорю, что это почти одно и то-же. Очевидно, также противопоставляли педагога офицеру: одинъ де просвѣтитель, а другой, если не затемнитель, то дармоѣдъ, живущій на счетъ Государства, на счетъ народныхъ средствъ; а я говорю, что и педагогъ, и офицеръ одно и то-же. Однимъ словомъ, по моему и школы, и армія, просвѣщаютъ народъ; и педагогъ, и офицеръ одинаково—просвѣтители. Впрочемъ, есть и разница между офицерами и педагогами: тотъ, кто считаетъ себя настоящимъ просвѣтителемъ-педагогомъ, учитъ только дѣтей богатыхъ, а офицеръ учитъ крестьянъ—настоящій народъ.... Да, да, я утверждаю, что офицеръ настоящій народный учитель. Загляните въ нашъ полкъ и посмотрите на нашу работу... По моему полкъ есть школа, но гораздо шире, чѣмъ сельская народная школа; я съ увѣренностью могу утверждать, что полкъ—это народный университетъ, развивающій гораздо всестороннѣе, чѣмъ сельская школа; въ полку и болѣе сознательный возрастъ, и обстановка болѣе близкая къ жизни, болѣе серьезная. Изъ глухихъ деревень идетъ крестьянство въ армію въ большіе города, на границу и даже за границу; здѣсь-то даже помимо всякаго прямого обученія знако-

мится съ бѣлымъ свѣтомъ наше темное захолустное крестьянство; кромѣ того, конечно, дается много свѣдѣній и изъ того, что называется солдатской наукой; наконецъ, самое положеніе солдата, самое солдатское званіе, воспитываетъ политически и развиваетъ сознаніе долга передъ народомъ, передъ обществомъ.

Грамотность, нѣкоторыя свѣдѣнія изъ ариѳметики, умѣнье пользоваться географической картой, вліяніе воздушныхъ явленій на траекторію пули или снаряда, нѣкоторое знакомство съ химіей по поводу взрывчатыхъ веществъ, здравое отношеніе къ медицинѣ, знакомство съ газетами, съ исторіей, хотя бы по парадамъ военныхъ праздниковъ, знакомство съ отношеніями и интересами современныхъ государствъ и ихъ союзовъ, знакомство съ театральными представленіями и, наконецъ, даже спектакли, устраиваемые самими солдатами подъ руководствомъ офицеровъ,—все, все это, вліяя прямо или косвенно на полковую сферу, дѣлаетъ то, что солдатъ, возвратившись въ свою глухую деревню, является просвѣщеннымъ человѣкомъ, въ сравненіи съ мужикомъ-деревенщиной, хотя бы даже грамотнымъ, но ничего не видавшимъ кромѣ своей деревни. Конечно, только желѣзная власть милитаризма заставила, напримѣръ, наше Правительство имѣть цѣлую армію офицеровъ-учителей для просвѣщенія темной крестьянской массы. Сколько всевозможныхъ

дикихъ представленій и суевѣрій выбивается изъ головъ нашего крестьянства подъ знаменемъ суровой военной необходимости и желѣзной дисциплины,—можетъ знать только тотъ, кто каждый годъ принимаетъ новобранцевъ и каждый годъ отправляетъ въ запасъ старыхъ обученныхъ солдатъ. Приходятъ иногда прямо таки дикари, а уходятъ по большей части съ такими свѣдѣніями и развитіемъ, что могутъ у себя въ деревнѣ быть авторитетами во многихъ отношеніяхъ. Можно, напримѣръ, ручаться чѣмъ угодно, что солдатъ не будетъ участвовать въ избіеніи докторовъ, подобномъ тому, которое имѣло мѣсто у насъ во время эпидеміи на Волгѣ; мало того, что солдатъ самъ не будетъ принимать участія въ избіеніи докторовъ, онъ даже можетъ возвыситься до убѣжденія другихъ въ несообразности подобныхъ поступковъ... Это ли не польза, которую народъ извлекаетъ изъ милитаризма... Не ясно ли теперь, что изъ нѣсколькихъ сотъ милліоновъ, которые тратятся на военную подготовку арміи и на ея содержаніе, въ сущности, тратится большая половина по крайней мѣрѣ на образованіе и прокормленіе представителей того же народа, который платитъ налоги и даетъ денежныя средства государству? Что ни говорите, а не признавать хотя бы доли правды во всемъ сказанномъ мною—никто не можетъ, не можетъ этого сдѣлать даже тотъ, кто совершенно не зна-

комъ съ жизнью пѣхотнаго полка, не говоря уже объ артиллеріи или флотѣ, въ которыхъ само дѣло и обстановка дѣйствуютъ еще болѣе развивающимъ образомъ... Итакъ, я, какъ представитель арміи, пью за эту армію и милитаризмъ, насколько они способствовали и способствуютъ распространенію просвѣщенія въ самыхъ низшихъ слояхъ нашего общества и въ самыхъ глухихъ уголкахъ нашего отечества".

Такъ говорилъ офицеръ. Тостъ его былъ поддержанъ очень слабо; его рѣчь заинтересовала только немногихъ и между прочимъ меня. Мнѣ захотѣлось поговорить съ постоявшимъ за себя офицеромъ и освѣтившимъ вопросъ объ арміи и милитаризмѣ съ той точки зрѣнія, которая ускользаетъ при первомъ взглядѣ на роль арміи. Когда ужинъ окончился и гости размѣстились по комнатамъ, какъ хотѣли, я подсѣлъ къ офицеру-оратору и поблагодарилъ его за тѣ мысли, которыя онъ высказалъ и которыя повліяли на измѣненіе моего взгляда на значеніе арміи. Офицеръ оживился; онъ снова началъ убѣдительно доказывать, что арміи не затемняютъ народъ, а развиваютъ, что громадныя средства, которыя тратятся на нихъ, не пропадаютъ даромъ, какъ это думаютъ и т. п. Между прочимъ, для подтвержденія своихъ общихъ положеній, онъ разсказалъ мнѣ слѣдующее. По возможности привожу дословно его разсказъ.

„Однажды поинтересовался я узнать, насколько народъ сознательно относится къ франко-русскому союзу. Это было вскорѣ послѣ посѣщенія французами Петербурга; это былъ, такъ сказать еще медовый мѣсяцъ дружбы двухъ народовъ, и говорилось, и писалось по этому поводу безъ конца. Мнѣ тогда казалось, что нѣтъ въ Россіи уголка, гдѣ бы не трактовали, такъ или иначе, франко-русской дружбы... Была осень; только что пришли въ полкъ новобранцы; при пріемѣ ихъ одинъ паренекъ обратилъ на себя мое вниманіе; въ немъ было много наивнаго и даже, если хотите, дикаго, онъ говорилъ „ты“ мнѣ, офицеру, когда я принималъ новобранцевъ. Фельдфебель замѣтилъ ему, что офицеру нужно говорить на „вы“; но парень никакъ не могъ понять, чего собственно отъ него желаютъ, и робко смотрѣлъ то на меня, то на фельдфебеля.

— Скажи, пожалуйста, — обратился я къ нему, — ты грамотный?

— Нѣтути.

— А слыхалъ-ли ты, что русскіе заключили союзъ съ французами?

— Нѣтути.

— Ну ты, конечно, знаешь, что есть государства Францiя, Германія, Англія?

—Нѣтути... Не слыхивалъ.

— Какъ, ты не знаешь, что есть на свѣтѣ Францiя, Германія?!...

— А хтошъ яво знатъ...

— Ну, а Турцію знаешь?

— Турку знаю, слыхалъ.

Итакъ, вы видите, что въ головѣ этого человѣка весь міръ представлялся въ видѣ его деревни, въ которой онъ жилъ, да въ видѣ какого то турки. Конечно, напримѣръ, о Варшавѣ или Владивостокѣ онъ ничего не зналъ. Вы можете себѣ представить, какъ досадно и даже тяжело было видѣть человѣка, который почти недостоинъ былъ этого почетнаго имени. Съ этимъ человѣкомъ о политикѣ и о многихъ другихъ вещахъ нельзя было разговаривать. Почти также, какъ напримѣръ, съ полковой лошадью... А, какъ это ужасно видѣть такого темнаго человѣка. Мнѣ стало стыдно за русскаго человѣка и пожалуй за человѣка вообще.

— Ну, скажи-же, ради Бога, можетъ быть ты слыхалъ про нѣмцевъ, про Бисмарка,— безпомощно и почти со злобою обратился я къ несчастному новобранцу, который, очевидно, начиналъ уже трусить за себя, не понимая истинной причины моего волненія и моей настойчивости.

— Можетъ быть, ты слыхалъ: „нѣмецъ, перецъ, колбаса“,—рѣшился я напомнить эту глупую, уличную остроту, надѣясь, хоть что нибудь услыхать отъ новобранца такое, чтобы доказывало его принадлежность къ человѣческому роду.

— „Хтошъ яво знаетъ!... Батька знатъ; онъ

въ городѣ бывалъ, а я не".—Таковъ былъ отвѣтъ.

Этотъ человѣкъ представлялъ собою запертый домъ; вы стучите въ двери этого дома, никто не отзывается; и вамъ становится жутко... Ужъ не мертвый ли хозяинъ и хозяйка?... спрашиваете вы себя въ испугѣ...

Вотъ какой былъ человѣкъ этотъ новобранецъ, который привелъ меня въ уныніе и вмѣстѣ съ тѣмъ въ бѣшенство. Да, да, мнѣ положительно было стыдно за Россію, за русскаго человѣка, глядя на угловатую фигуру этого парня, испуганнаго и абсолютно темнаго, съ тупымъ выраженіемъ глазъ... Но вотъ теперь уже прошло три года, какъ этотъ бывшій новобранецъ началъ изучать солдатскую науку.—Посмотрите, что теперь онъ представляетъ: теперь онъ лучшій унтеръофицеръ и достоинъ быть фельдфебелемъ... А знаете-ли вы что такое фельдфебель?... Это помощникъ, это правая рука офицера въ дѣлѣ обученія и воспитанія солдата. Теперь судите сами, могъ-ли этотъ новобранецъ Панчуткинъ превратиться въ унтеръ-офицера, т. е. въ сравнительно развитого человѣка, если-бы не было арміи?... Конечно, я понимаю, что на деньги, которыя тратятся на армію, можно было-бы настроить больше школъ, такъ что и парни Панчуткины могли-бы обучиться грамотѣ помимо арміи; но я думаю, что школы все-таки строятся главнымъ образомъ въ силу благихъ пожеланій, которыми,

какъ извѣстно, адъ вымощенъ, а арміи создались въ силу суровой необходимости: а потому, по крайней мѣрѣ на извѣстной стадіи развитія народа, военное вѣдомство раньше и въ большей суммѣ способствуетъ распространенію культуры, чѣмъ министерство народнаго просвѣщенія.

Такъ говорилъ офицеръ; въ его нѣсколько преувеличенныхъ взглядахъ однако чувствовалось много правды, и съ той поры я сталъ смотрѣть на милитаризмъ какъ на худо, въ которомъ есть свое добро.

Впослѣдствіи я поближе познакомился съ моимъ собесѣдникомъ, поручикомъ К—скимъ.

Я побывалъ въ казармахъ; видѣлъ унтеръ-офицера Панчуткина; онъ производитъ впечатлѣніе бойкаго, послушнаго, внимательнаго солдата. Оказалось, что онъ большой любитель участвовать въ солдатскихъ спектакляхъ, причемъ обыкновенно исполнялъ женскія роли.

Обстановка казармы была дѣйствительно казарменная; на грязномъ полу помѣщеній стояли ряды коекъ съ подушками и одѣялами далеко не первой свѣжести и чистоты. По стѣнамъ висѣли портреты государей и знаменитыхъ русскихъ полководцевъ, а также картины, изображающія замѣчательныя сраженія... Однимъ словомъ, отъ стѣнъ вѣяло исторіей съ исторической и военной точки зрѣнія. Но что особенно обратило мое вниманіе, такъ это библіотечный шкапъ, въ ко-

торомъ хранились книги, предназначенныя для чтенія нижнимъ чинамъ; этотъ шкапъ заключалъ въ себѣ ротную библіотеку, и на немъ красовалась слѣдующая написанная крупными буквами надпись: „чтеніе—лучшее обученіе“. Въ каталогѣ библіотеки значилось сотни двѣ книжекъ изъ одобренныхъ для народныхъ читаленъ.

Поручикъ К—скій указывалъ мнѣ на портреты, картины и библіотеку, стараясь подчеркнуть этимъ развивающее значеніе обстановки солдатской жизни; онъ при этомъ старался внушить мнѣ ту мысль, что при желаніи военное начальство могло-бы изъ полка сдѣлать настоящій университетъ для народа, что это даже было-бы въ высшей степени полезно для самого военнаго дѣла, такъ какъ общее развитіе солдата, въ особенности при настоящемъ состояніи техники, необходимо для побѣдъ.

А вотъ еще одно воспоминаніе изъ моей жизни, которое можно поставить рядомъ съ воспоминаніемъ о знакомствѣ съ поручикомъ К—скимъ.

Въ томъ-же году лѣтомъ, я жилъ въ Крыму, въ Ялтѣ. Черноморская такъ называемая практическая эскадра бросила якорь передъ городомъ. Суда въ извѣстные часы позволено было посѣщать публикѣ; и я съ компаніей отправился полюбоваться нашими плавучими крѣпостями — броненосцами.

Вахтенный офицеръ, вѣроятно снисходя къ хорошенькой барышнѣ, которая была въ нашей компаніи, встрѣтилъ насъ любезнѣе, чѣмъ другихъ, и даже далъ намъ, въ качествѣ проводника, матроса для осмотра броненосца. Мы поднимались, опускались по разнымъ лѣстницамъ, по разнымъ ходамъ и выходамъ, осматривали орудія то большія, то малыя... Матросъ, сопровождавшій насъ, давая по пути нѣкоторыя объясненія, привелъ насъ, наконецъ, въ минное отдѣленіе; онъ довольно подробно и обстоятельно разсказывать о снаряженіи и дѣйствіи минъ, о сжатомъ воздухѣ, о скорости въ секунду, о взрывчатыхъ веществахъ и т. п. Объясненія были настолько обстоятельны и такъ пересыпаны техническими выраженіями, что нашъ чичероне-матросъ вообще производилъ впечатлѣніе человѣка, получившаго на практикѣ спеціальное, хотя бы маленькое образованіе. Я даже не сомнѣвался, что онъ до службы на броненосцѣ былъ на какомъ-либо заводѣ или фабрикѣ, гдѣ онъ получилъ предварительно кой-какія соотвѣтственныя свѣдѣнія. Совершенно не сомнѣваясь въ этомъ, я предложилъ ему вопросъ о томъ, на какой фабрикѣ онъ работалъ до военной службы. Я былъ не мало удивленъ, когда онъ заявилъ мнѣ, что онъ ни на какихъ фабрикахъ не работалъ до призыва и что явился отбывать воинскую повинность прямо изъ деревни, по его словамъ, совершенно темнымъ

человѣкомъ. Я выразилъ свое удивленіе и удовольствіе по поводу такого благотворнаго развивающаго дѣйствія военной службы... Матросъ, конечно, согласился со мною и добавилъ при этомъ, что военно-морская служба дѣлаетъ многихъ людьми на всю жизнь, что многіе по окончаніи службы на военныхъ судахъ поступаютъ на коммерческія суда, на разные заводы, фабрики, и устраиваются тамъ за хорошее жалованье возлѣ паровыхъ и электрическихъ машинъ. Какъ на примѣръ онъ указывалъ на себя; онъ говорилъ, что былъ до службы простымъ деревенскимъ мужичкомъ, а теперь, послѣ службы, надѣется получать жалованья самое меньшее 50—60 руб. въ мѣсяцъ.

Вообще онъ былъ очень доволенъ своей службой и по взглядамъ на значеніе воинской повинности живо напомнилъ мнѣ поручика К—скаго, несмотря на различіе ихъ положеній.

Разница во вглядахъ того и другого была только въ томъ, что поручикъ подчеркивалъ развивающее значеніе военной службы, а матросъ видѣлъ главнымъ образомъ ту пользу, которую можетъ получить простой деревенскій человѣкъ отъ службы во флотѣ, для своей практической дѣятельности въ жизни.

Все это происходило нѣсколько лѣтъ тому назадъ и всплыло особенно ясно въ моемъ воспоминаніи подъ вліяніемъ текущихъ военныхъ событій. Помимо несомнѣнно развиваю-

щаго значенія въ жизни народной, армія наглядным образомъ доказываетъ теперь, что она является главнымъ оплотомъ, защитой чисто народныхъ интересовъ отъ эгоистическихъ стремленій нашихъ воинственныхъ старыхъ и новыхъ сосѣдей и что только ея самоотверженное служеніе долгу и хорошая организація могутъ спасти насъ отъ потерь территоріи и отъ огромныхъ контрибуцій, тяжесть которыхъ, въ видѣ всякихъ налоговъ, всегда ложится на народныя массы.

Истинные друзья народа должны имѣть это въ виду при оцѣнкѣ значенія хорошо обученной и воспитанной арміи и флота. Это особенно важно имѣть въ виду въ настоящее время, когда окончательно выяснилось, что много военной опасности и заботъ ожидаетъ насъ на Дальнемъ Востокѣ, что Японія, а потомъ возрожденный Китай всегда, такъ или иначе, будутъ стремиться къ преобладанію въ своей родной Азіи, что вообще борьба бѣлой и желтой расъ неизбѣжна и что предотвратить эту борьбу нѣтъ никакой возможности, какъ нѣтъ возможности задержать начавшійся прогрессъ въ жизни восточной Азіи; когда стало ясно до очевидности, что уступкой безъ боя нашихъ крайнихъ восточныхъ крѣпостей, уступкой Манчжуріи и Портъ-Артура нельзя было разрѣшить вопросъ о желтой опасности и что война рано или поздно должна была разыграться, если не изъ-за Портъ-Артура, то изъ-за Владивостока

или Читы, или даже изъ-за Иркутска; когда, наконецъ, стало ясно, что настоящая война не безсмысленна, не случайна, а вытекаетъ изъ наростающей политической и экономической конкуренціи монголовъ и европейцевъ вообще, и въ особенности Россіи, какъ ближайшей сосѣдки Монголіи.

Изъ всего, что было сказано раньше, повидимому ясно, какъ ошибались и ошибаются тѣ, которые вообще видятъ въ арміи и въ тратахъ на армію только зло и которые, въ частности, говорятъ и пишутъ о безыдейности и даже безсмысленности настоящей войны и о томъ, что этой войны можно было избѣжать. Ужасъ подобнаго ошибочнаго взгляда на дѣло усугубляется еще болѣе тѣмъ обстоятельствомъ, что держатся такого мнѣнія люди, которыхъ нельзя назвать врагами народа: по большей части это люди, искренно ратующіе за народные интересы. Еще ужаснѣе то, что эти мнимые друзья народа въ то самое время, когда наши геройскія войска идутъ въ бой на жизнь и смерть, нашептываютъ имъ свои страшныя, смущающія слова: „вы, господа герои, идете умирать безсмысленно, идете умирать за ошибки нашей политики, а не за кровные интересы дорогой вамъ родины". Что можетъ быть ужаснѣе подобной роли мнимыхъ друзей народа, подрывающихъ идейную почву изъ подъ ногъ нашихъ героевъ, идущихъ на смерть. Легко можно себѣ представить состояніе духа нашего офицера или

солдата въ бою послѣ прочтенія какой-нибудь газетной или журнальной статьи о безыдейности и безполезности настоящей войны... Поднятый мечъ героя можетъ дрогнуть отъ расхолаживающихъ сомнѣній, а врагъ тѣмъ временемъ воспользуется, чтобы нанести смертельный ударъ...

Проповѣдующій подобное сомнѣніе, беретъ на себя страшную отвѣтственность и передъ героемъ, и передъ народомъ. Подобная проповѣдь, если даже не ошибочна, то, во всякомъ случаѣ, несвоевременна. Проповѣдникамъ подобнаго сорта не мѣшаетъ напомнить ту истину, что услужливый, скажемъ, даже любящій, но не обладающій умомъ, человѣкъ можетъ быть опаснѣе врага.

Дѣло въ томъ, что называть настоящую войну съ Японіей безыдейной въ высшей степени ошибочно.

Въ самомъ дѣлѣ, что нужно нашимъ народнымъ массамъ, нашему крестьянству? Нашему народу нужна земля. Нашему народу уже тѣсно въ Европейской Россіи. И вотъ наше крестьянство, главнымъ образомъ, съ давнихъ поръ начало двигаться сначала въ южно-русскія степи, а потомъ, или лучше сказать въ послѣднее время—на востокъ, т. е. въ Сибирь—въ нашу единственную колонію. Поэтому Сибирскій вопросъ въ нашей исторіи долженъ соотвѣтствовать по важности вопросамъ колоніальной политики другихъ

культурныхъ, густо населенныхъ странъ, напримѣръ Англіи, Франціи, Германіи. Вопросъ колоніальный тѣсно связанъ съ вопросомъ переселенческимъ: это дѣло находится въ такомъ же положеніи какъ у насъ, такъ и у другихъ государствъ, у которыхъ есть излишекъ населенія. Англія, Франція, Германія— всѣ эти просвѣщенныя государства, какъ извѣстно, во имя своихъ колоніальныхъ интересовъ приносили и всегда готовы принести какія угодно жертвы считая совершенно справедливо, что колоніальные вопросы тѣсно связаны съ интересами своихъ націй.

Уже по простой аналогіи становится ясно, что наша война съ Японіей не можетъ быть не связанной съ нашими національными интересами и, что еще важнѣе, съ интересами нашего безземельнаго крестьянства, т. е. нашего большинства. Преобладаніе Россіи на Дальнемъ Востокѣ, которое должно явиться результатомъ настоящей войны, и даетъ возможность этому крестьянству разселиться въ лучшихъ мѣстахъ Сибири. Для этого Россіей со времени Ермака сдѣлано не мало и принесено не мало жертвъ. Великій Сибирскій путь, стоившій коллосальныхъ средствъ, является какъ бы завершеніемъ нашей исторической политики въ этомъ отношеніи. Пріобрѣтая земли на Востокѣ въ теченіе вѣковъ и идя навстрѣчу главнымъ образомъ интересамъ народныхъ массъ, Россія провела желѣзную дорогу, чтобы содѣйствовать сти-

хiйному движенiю народа на востокъ. Отсюда ясно, что война съ Японiей изъ-за конечныхъ станцiй, изъ-за выходовъ этой желѣзной дороги является, въ сущности, защитой, отстаиванiемъ политики нѣсколькихъ вѣковъ, выразившейся въ стихiйномъ и, слѣдовательно, естественномъ историческомъ движенiи народа. Крѣпкое положенiе на Востокѣ должно быть достигнуто, несмотря ни на какiя жертвы, такъ какъ то, что погибнетъ на поляхъ Манчжурiи, будетъ гораздо меньше того, что погибнетъ отъ тѣсноты и безземелья въ Европейской Россiи, если мы будемъ оттѣснены отъ береговъ Великаго океана и если такимъ образомъ будетъ задержано свободное размѣщенiе нашихъ переселенцевъ.

Какъ нужно было укрѣпиться на Кавказѣ въ началѣ XIX в., чтобы дать возможность народу заселить южно-русскiя степи, такъ теперь нужно укрѣпиться на берегахъ Великаго океана, чтобы дать возможность излишку нашего населенiя въ XX в. заселить степи и горы Сибири. Какъ земледѣлiе южно-русскихъ степей заняло почти доминирующее положенiе на мiровомъ хлѣбномъ рынкѣ, такъ эксплоатацiя дремлющихъ богатствъ Сибири можетъ дать такiе же результаты въ торговомъ отношенiи при развитiи желѣзныхъ дорогъ и при свободномъ доступѣ къ океану, изъ-за котораго теперь идетъ борьба съ Японiей.

Укрѣпиться на берегахъ Великаго океана

важно еще и въ другомъ смыслѣ; Россія занимаетъ теперь всемірно-центральное положеніе на картѣ: она непосредственно граничитъ съ западной Европой, съ странами Ислама, Буддизма и Конфуціанства; всѣ своеобразныя культуры лежатъ на нашихъ границахъ и вокругъ насъ, такъ что мы можемъ быть посредниками между этими мірами и въ торговомъ и въ другихъ отношеніяхъ. Это всемірно-центральное положеніе замѣчательно еще и тѣмъ, что оно дастъ возможность касаться въ сущности 4-хъ океановъ—Атлантическаго, Индійскаго (черезъ продолженіе закавказскихъ дорогъ черезъ (Персію, Великаго и Сѣвернаго Ледовитаго, значеніе котораго еще не опредѣлилось въ достаточной степени. Потеря преобладанія на берегахъ Великаго океана и выбьетъ Россію изъ ея исключительной въ исторіи всемірно-центральной позиціи, выгодъ которой доказывать нѣтъ необходимости, такъ какъ онѣ ясны сами собою и важны не только для Сибири въ частности, но и для Россіи вообще.

Можно ли послѣ всего этого настоящую войну съ Японіей назвать безсмысленной, безыдейной и не народной? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ... Она, какъ мы видѣли, имѣетъ глубокій историческій смыслъ, тѣсную связь съ нашей исторіей, съ нашимъ стихійнымъ движеніемъ на востокъ; она отвѣчаетъ экономическимъ интересамъ, главнымъ образомъ, нашего крестьянства и, слѣдовательно, защи-

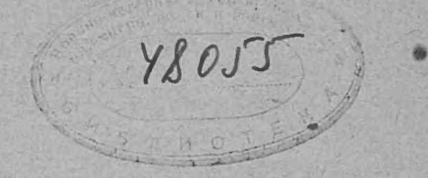
щаетъ народную идею; она отстаиваетъ положеніе Россіи на берегахъ Великаго океана и, слѣдовательно, наше всемірно-центральное положеніе, которое такъ важно для развитія нашихъ торговыхъ оборотовъ, для развитія путей сообщенія и для развитія нашихъ торговаго и военнаго флотовъ; наконецъ, эта война является началомъ новой эры великой борьбы между желтой и бѣлой расами, борьбы, въ которой Россіи естественно приходится и приходилось играть первенствующую роль... Вообще можно сказать, что едва ли Россія когда-либо вела болѣе идейную, болѣе народную и болѣе великую войну, чѣмъ настоящая русско-японская война.

И чѣмъ скорѣе поднялась завѣса надъ событіями Востока, чѣмъ скорѣе монголы открыли свои карты, тѣмъ лучше для насъ: мы въ эту войну имѣемъ дѣло съ врагами еще не совсѣмъ подготовленными къ борьбѣ. Это обстоятельство даетъ намъ возможность изучить нашихъ восточныхъ враговъ и, благодаря этому, серьезнѣе обдумать наше будущее положеніе на Востокѣ, которое, очевидно, безъ борьбы, безъ войнъ, укрѣпить не придется.

А для борьбы, для войнъ, нужны армія и флотъ. Армія у насъ есть. Что же касается флота, то его нужно пересоздать и создать на новыхъ основаніяхъ *).

*) Уничтоживъ прежде всего сословность военнаго флота и допустивъ свободную конкуренцію талантовъ.

Какія бы ни потребовались для этого матеріальныя жертвы, онѣ все-таки будутъ ничто въ сравненіи съ тѣми потерями, которыя понесетъ Россія—этотъ единственный оплотъ славянства — въ своей общей экономіи, въ міровой политикѣ и даже въ культурности, если при отсутствіи достаточныхъ морскихъ силъ главныя конечныя станціи нашихъ желѣзныхъ дорогъ на берегахъ окружающихъ насъ океановъ окажутся въ рукахъ нашихъ враговъ.

Дозволено ценз. Спб. 29 Іюля 1905 г.

Экономическая Типо-Литогр. В. Остр., 14 л., д. 5.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„МОРЕ И ЕГО ЖИЗНЬ“.

Программа Журнала.

I. Узаконенія и распоряженія Правительства, касающіяся мореплаванія.

II. Статьи научнаго, техническаго, историческаго и бытового характера о моряхъ, мореплаваніи и его средствахъ.

III. Разсказы, фикціи, анекдоты, повѣсти и воспоминанія о морскихъ путешествіяхъ, бытѣ и промыслахъ; біографіи замѣчательныхъ моряковъ.

IV. Изслѣдованія морей и ихъ притоковъ въ географическомъ и другихъ отношеніяхъ.

V. Морскія сообщенія, порты и ихъ питательныя вѣтви. Маршруты и путеводители.

VI. Изслѣдованія и заявленія о нуждахъ судоходства вообще и въ частности, о вспомогательныхъ учрежденіяхъ и производствахъ.

VII. Морской спортъ, игры и обученіе.

VIII. Обзоръ морской дѣятельности во всѣхъ странахъ, хроника и библіографія.

IX. Извѣстія справки и объявленія.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДЪ съ доставкой и пересылкой во всѣ мѣста Имперіи—**12 руб**, за границу—**15 руб**. допускается разсрочка.

Подписка принимается при редакціи журнала: С.-Петербургъ, Вас. Остр., 4 линія, д. 17, и чрезъ посредство книжныхъ магазиновъ.

Редакторъ-Издатель

Н. Н. Беклемишевъ.

Дозв. ценз. Спб. 29 Іюля 1905 г   экон. тип. В. О., 14 л., д. 5.